

Охранявшие его люди увидели, что он открыл глаза, и начали новый допрос, но Девятнадцатый по-прежнему молчал, а на его губах даже появилась слабая улыбка.

Шэнь Нань, держа в руке кнут, заметил это и сказал своим спутникам:

— Он, что, с ума сошел? Почему он улыбается?

Веревки, связывавшие Девятнадцатого, за ночь немного ослабли, и он быстро освободился, схватив с земли чей-то кинжал.

Это был кинжал Дуаньму Цина, который тот заказал при жизни. Теперь он был в руках Девятнадцатого, и его лезвие сверкало на солнце.

С кинжалом в руке Девятнадцатый бросился в толпу, и с каждым ударом еще одна жизнь обрывалась. Он был профессиональным убийцей, прошедшим специальную подготовку, поэтому ему почти не было равных. Если бы не его ослабленное состояние и потеря внутренней силы, эти люди вряд ли смогли бы ему противостоять.

Едва избежав одного удара, Девятнадцатый пробился сквозь толпу, но, обессилев, прислонился к дереву. Шэнь Нань и остальные окружили его, смотря на него, как на зверя в клетке, а Девятнадцатый смотрел на них, как на мертвецов.

С трудом стоя на ногах, он вытер кровь с губ и холодно произнес:

— Если он жив, ваши жизни станут моим подарком ему. Если он мертв, ваши жизни станут его похоронами.

Он сделал надрез на запястье, и кровь медленно потекла на землю.

Дуаньму Цин чувствовал, как его сердце сжимается от боли, но он не мог остановить Девятнадцатого, только наблюдал, как тот сражается, не в силах помочь.

Шэнь Нань, увидев его действия, сказал:

— Ты совсем с ума сошел? Ты сейчас занимаешься самоповреждением?

Девятнадцатый усмехнулся:

— Я же сказал, ни один из вас не выживет. Посмотрите сами, хе-хе.

Люди, услышав его слова, опустили взгляды и увидели, что кровь Девятнадцатого уже окружила их, и они не могли пошевелиться.

— Мерзавец, какую ты чертовщину используешь?!

Дуаньму Цин слышал об этой технике. Это не чертовщина, а секретная техника Города Ищущего Листа, которую могли использовать только прямые наследники — Кровавое убийство. Используя кровь как проводник, она постепенно разъедала их души, превращая тела в кровавую массу.

Девятнадцатый был в безвыходном положении. Он хотел отомстить за Дуаньму Цина, за ребенка. Если бы не то, что вчера ему лишили внутренней силы и дали лекарство, сделав его беспомощным, он бы не оказался в таком положении.

Кровь Девятнадцатого продолжала капать, собираясь у ног Шэнь Наня и других, а также около тела Дуаньму Цина.

Менее чем за полчаса все начали кричать от боли. Это была боль, исходившая из самой души, заставляющая их страдать, но не позволяющая умереть. Они хотели кататься по земле от боли, но не могли даже обхватить голову руками. Боль разрывающейся души они испытали только раз, но этого было достаточно, чтобы обречь их на вечные муки.

Вскоре все они исчезли, оставив после себя только лужи крови.

Девятнадцатый подошел к телу Дуаньму Цина и сделал еще один надрез на руке, окружив его тело кровью. После использования Кровавого убийства он уже потерял слишком много крови, и рана продолжала кровоточить. Дуаньму Цин чувствовал боль, раскаяние и гнев.

Если бы у него был шанс начать все заново, он бы обязательно хорошо относился к Девятнадцатому, не повторяя прежних ошибок. Но жизнь не дает второго шанса.

По мере того как кровь Девятнадцатого покрывала тело Дуаньму Цина, он понял, что больше не может отдалиться от него, словно был прикован.

Девятнадцатый посмотрел в небо, что-то пробормотал и громко произнес:

— Я, Чу Нинфань, тринадцатый потомок правителя Города Ищущего Листа, чье имя означает "защитник мира и процветания". Сегодня я приношу свою кровь в жертву, свою душу в дар, поклоняюсь предкам и Небу. Я не прошу мирной жизни, не прошу защищать этот мир. Я прошу только один шанс для жизни этого человека. Я готов пролить всю свою кровь, не жалея ее, даже если это будет неверным и непочтительным поступком. Я готов отдать свою жизнь, все, что у меня есть, лишь бы вернуть его к жизни. Я готов после смерти исчезнуть навсегда, не войдя в цикл перерождений, лишь бы он воскрес. Прошу, предки, позвольте этому свершиться.

Казалось, слова Девятнадцатого подействовали. Небо разразилось громом, словно девять молний обрушились на него.

После восьмого удара молнии Девятнадцатый сказал:

— После последнего удара техника Кровавого жертвоприношения завершится, и, надеюсь, ты воскреснешь.

Он словно увидел душу Дуаньму Цина и, глядя в его сторону, произнес:

— Дуаньму Цин, восемнадцать лет назад ты спас мне жизнь. Сегодня я возвращаю тебе ее с помощью Кровавого жертвоприношения. Отныне мы в расчете.

Девятнадцатый всегда называл его "господин", но сейчас впервые произнес его полное имя.

Дуаньму Цин хотел поднять Девятнадцатого, но его душа была прикована к месту, и он не мог пошевелиться. Он услышал, как Девятнадцатый кашлянул, и продолжил:

— Надеюсь, мы больше никогда не встретимся, ни в этой жизни, ни в будущих. Так я не буду страдать.

Он снова усмехнулся, и Дуаньму Цин никогда не видел такой печальной и прекрасной улыбки,

полной отчаяния.

— Я забыл, что скоро исчезну навсегда и не войду в цикл перерождений. Мы действительно больше не встретимся...

Девятнадцатый тихо пробормотал:

— Это к лучшему, к лучшему...

Его безжизненное тело лежало рядом с Дуаньму Цином, и в его сердце царил хаос. То место, где должно быть сердце, словно разрывалось на части от невыносимой боли.

Он отчаянно хотел начать все заново, чтобы крепко держать руку Девятнадцатого и никогда не отпускать.

Дуаньму Цин посмотрел в небо, где что-то разлетелось на части и исчезло, превратившись в пыль. Он знал, что это была душа Девятнадцатого, действительно исчезнувшая навсегда.

Его руки прошли сквозь тело Девятнадцатого, словно обнимая его.

Прошло неизвестно сколько времени, и он тоже потерял сознание.

Когда Дуаньму Цин открыл глаза, первой мыслью было, что он воскрес благодаря Кровавому жертвоприношению Девятнадцатого.

Но затем он отверг эту идею, потому что, если бы он воскрес, он бы оказался на месте своей смерти, рядом с телом Девятнадцатого. Однако сейчас он находился в своей спальне в Башне Цинчэн.

Закрыв глаза, он привел мысли в порядок. Он вернулся на три года назад, когда ему было двадцать лет. Он точно помнил, что растение на подоконнике было подарком Шэнь Бэя на его двадцатилетие, и это был второй год его отношений с Шэнь Нанем.

Дуаньму Цин не знал, вернулся ли он один или Девятнадцатый тоже вернулся. Встав с кровати, он вызвал тайных стражей. Сегодня дежурили Семнадцатый и Восемнадцатый.

Семнадцатый подумал, что он хочет что-то приказать, но Дуаньму Цин спросил о Девятнадцатом. Тот ответил:

— Господин, Девятнадцатый сегодня утром совершил ошибку и сейчас наказан в Зале Наказаний.

Зал Наказаний был местом, где наказывали провинившихся. Наказания были суровыми, и в зависимости от тяжести проступка использовались различные орудия пыток. В Зале Наказаний была отдельная комната для тайных стражей.

Тайные стражи с детства проходили суровые тренировки, и пытки для них не были чем-то необычным. Чтобы развить их выносливость, наказания для них были особенно жестокими.

Если совершалась серьезная ошибка, попадание в комнату пыток могло закончиться не только ранами, но и повреждением костей, а иногда даже смертью.

Теперь, вернувшись в прошлое, Дуаньму Цин не позволит Девятнадцатому снова пострадать. Он не потерпит, чтобы кто-то причинял ему боль, даже он сам.

Услышав, что Девятнадцатый в Зале Наказаний, он мгновенно выбежал из комнаты.

Зал Наказаний был пропитан кровью, и в темных коридорах стоял тяжелый запах. Тусклый свет свечей колебался, и ветер, вызванный движением Дуаньму Цина, погасил одну из них.

Скрипнула тяжелая дверь комнаты пыток, и Дуаньму Цин вошел. Запах крови стал еще сильнее, а перед глазами предстали орудия пыток и обнаженный торс Девятнадцатого, покрытый кровавыми рубцами.

У автора есть что сказать:

— Эти люди обижали Девятнадцатого. Подождите, пока я воскресну, и я уничтожу их!

— Хе-хе, ты тоже не раз меня обижал...

— Прости, моя любимая!

<http://bllate.org/book/16706/1534966>